

«Секретный» доклад

Утром 15 февраля 1956 года начались прения по отчетному докладу. Они шли по давно заведенному порядку: ораторы повторяли и иллюстрировали примерами положения отчетного доклада, затем секретари обкомов рапортовали об успехах областей, министры – своих министерств, просто делегаты делились личными достижениями, и все они в меру говорили о недостатках, которые они же в скором времени и устранят. Только Микоян в паре абзацев своего выступления осторожно посомневался в обоснованности некоторых сталинских

репрессий. Зная о предстоящем «секретном» докладе, он «проявил смелость», как говорится, отметил. Делегаты съезда, ничего еще не ведая об ожидавшем их «сюрпризе», Анастаса Ивановича не поддержали.

Всего несколько дней отделяло страну, всех нас от второго, «секретного» доклада отца, а самого доклада еще не существовало. Сначала отец намеревался просто зачитать с трибуны слегка отредактированную записку комиссии Пospelова. Эту версию доклада к 18 февраля подготовили Секретари ЦК Пospelов и Аристов. Доклад ограничивался 1930-ми годами, и речь в нем шла исключительно об уничтожении Сталиным партийных функционеров. Но после 9 февраля отец многое передумал, и такой паллиатив его больше не устраивал.

19 февраля он диктует стенографистке собственный текст. Оттолкнувшись от доклада комиссии Пospelова, отец пошел много дальше, он заговорил о поражениях в начале войны, о послевоенном «Ленинградском деле», о деле врачей. Он хотел сказать еще много о чем, но сдерживали временные рамки.

Секретарь ЦК КПСС Дмитрий Шепилов – в то время отец считал его своим единомышленником – помогал отредактировать новый текст. Так, по крайней мере, Шепилов пишет в своих воспоминаниях.

Работали несколько дней. Отец запрашивал из КГБ все новую информацию, Серов присылал ее в запечатанных сургучными печатями красных пакетах. Прочитав их содержимое, отец снова вызывал стенографистку, снова диктовал. Разоблачения шли к отцу не только из КГБ. Узнав, что готовится доклад, ранее бессловесные члены ЦК один за другим делились с отцом своими претензиями к Сталину. Приведу сохранившиеся в архивах письменные свидетельства: 22 февраля бывший секретарь Ленинградского обкома Василий Андрианов прислал информацию о «Ленинградском деле» 1949 года, 24 февраля бывший командующий Сталинградским фронтом маршал Андрей Еременко предъявил свой счет Сталину. Кто и когда звонил отцу по телефону, а такие звонки раздавались ежедневно, мы теперь уже не узнаем. Помощники отца Шуйский и Лебедев вместе с Шепиловым редактировали и перерабатывали постоянно разбухавший текст доклада. Промежуточные версии отец давал читать своим сторонникам в ЦК. Не все хотели оставлять свои следы на тексте доклада. Сохранились копии с пометками Микояна, Сабурова, Суслова, Аристова и еще чьи-то.

Вечером 23 февраля, за день до выступления, отец, как требовали правила, разослал все еще не окончательный текст доклада всем членам Президиума и Секретарям ЦК, в том числе и оппонентам. Замечаний отец не получил ни от кого.

В заключительный день работы съезда, 24 февраля, последний вариант рукописи, исчерпанной разноцветными карандашами (ее так и не успели перепечатать), отец забрал с собой в Кремль. После внесения изменений «взрывная» сила доклада возросла во много раз, но одновременно отец нарушил хрупкое равновесие, достигнутое 9 февраля на заседании Президиума ЦК.

В перерыве между заседаниями съезда он предложил членам Президиума ЦК утвердить новый текст. Молотов, Каганович, Ворошилов, естественно, прочитали разосланный накануне документ и возмутились до глубины души. Они, как мы знаем, с трудом согласились на зачитание делегатам съезда записки комиссии Пospelова, а теперь от них требовали, по их мнению, санкцию на их собственное политическое самоубийство. Разразился грандиозный скандал. В официальных документах о споре в комнате отдыха Президиума съезда нет ни слова. Оно и понятно, разговоры там велись приватные, никто посторонний их не записывал и, скорее всего даже не слышал. Ни секретари, ни помощники, ни даже Малин с его карточками, туда не допускались. Молчаливые официанты из КГБ приносили стаканы с чаем, вазочки с печеньем, а потом, так же молча, убирали посуду. Так что полагаться можно только на память участников дискуссии.

Впоследствии отец не раз и не два рассказывал о происходивших там баталиях, описывает он их и в своих воспоминаниях. Каганович и Микоян тоже оставили письменные свидетельства о столкновении в комнате отдыха Президиума съезда.

В мемуарах отец даже не заикается о заседании Президиума ЦК 9 февраля 1956 года и последовавшим за ним 13 февраля Пленуме, говорит о записке комиссии Поспелова и сразу перескакивает на спор в комнате отдыха Президиума съезда накануне чтения доклада. Предшествовавшие события наложились и растворились в воспоминаниях о куда более эмоциональном столкновении в комнате отдыха 24 февраля. Я попытался рассортировать воспоминания отца по датам, часть из них отнес к процитированному выше рассказу о заседании Президиума ЦК, остальное приведу чуть позднее. Каганович и Микоян в своих мемуарах хронологически и фактологически вторят отцу.

Цитирование я начну с Кагановича, наверное самого ярого оппонента отца.

«XX съезд подошел к концу, – пишет Каганович, – но вдруг устраивается перерыв. Члены Президиума созываются в задней комнате, предназначенной для отдыха.

Хрущев ставит вопрос о заслушивании на съезде его доклада о культе личности Сталина и его последствиях.

Заседание проходило в ненормальных условиях – в тесноте, кто сидел, кто стоял.

Трудно было за короткое время прочесть эту объемистую тетрадь и обдумать ее содержание, чтобы по нормам внутривластной демократии принять решение.

Все это за полчаса, ибо делегаты сидят в зале и ждут чего-то неизвестного для них, ведь порядок дня съезда был исчерпан».

Лазарь Моисеевич, наверное, запомнил, он имел для ознакомления с докладом весь предыдущий день.

«Надо сказать, что еще до XX съезда Президиум ЦК рассматривал вопрос о незаконных репрессиях, о допущенных ошибках. Президиум ЦК образовал комиссию, (после обсуждения письма Шатуновской, но до рассмотрения дела Родоса и доклада комиссии Поспелова. – С. Х.), которой поручил рассмотреть дела репрессированных с выездом на места, сформулировать общие выводы и конкретные предложения. После обсуждения этого вопроса на Президиуме предполагалось собрать после XX съезда Пленум ЦК и заслушать доклад комиссии с соответствующими предложениями.

Именно об этом и говорили (24 февраля в комнате отдыха Президиума съезда. – С. Х.) товарищи, Молотов, Ворошилов и другие, высказывая свои возражения, – возмущается Лазарь Моисеевич. – Кроме того, товарищи говорили, что мы просто не в состоянии редактировать доклад и вносить нужные поправки, которые необходимы. Мы говорили, что даже беглое ознакомление показывает, что документ односторонен, ошибочен. Деятельность Сталина нельзя освещать только с этой стороны, необходимо более объемистое освещение всех его положительных дел, чтобы трудящиеся поняли и давали отпор спекуляции врагов нашей партии и страны на этом.

Обсуждение затянулось, делегаты волновались, и поэтому без какого-либо голосования, его свернули и пошли на съезд. Там объявили о дополнении к повестке дня, предложили заслушать доклад Хрущева о культе личности Сталина».

«К концу съезда мы решили, чтобы доклад был сделан на заключительном заседании, – Микоян подтверждает, сказанное Кагановичем. – Был небольшой спор по этому вопросу. Молотов, Каганович и Ворошилов сделали попытку, чтобы этого доклада вообще не делать. Хрущев и, больше всего я, активно выступили за то, чтобы этот доклад состоялся. Маленков молчал. Первухин, Булганин и Сабуров поддержали нас. Правда, Первухин и Сабуров не имели такого влияния, как все остальные члены Президиума.

Тогда Никита Сергеевич сделал очень хороший ход, который разоружил противников доклада. Он сказал: “Давайте спросим съезд на закрытом заседании, хочет ли он, чтобы доло-

жили по этому делу или нет”. Это была такая постановка вопроса, что деваться оказалось некуда. Конечно, съезд бы потребовал доклада. Словом, выхода другого не было. Приняли решение, что в конце съезда, на закрытом заседании, после выборов в ЦК (что для Молотова и Кагановича казалось очень важным) такой доклад сделать».

«Согласия никакого не было, – пишет отец. – Я видел, что добиться решения от членов Президиума Центрального комитета не удастся.

Тут я выдвинул предложение:

– Идет съезд партии, во время съезда внутренняя дисциплина, требующая единства руководства среди членов Центрального комитета и членов Президиума ЦК, уже не действует. Отчетный доклад сделан, каждый член Президиума и член ЦК имеет право выступить на съезде и изложить свою точку зрения, даже если она не совпадает с точкой зрения отчетного доклада.

Я не сказал, что выступлю с таким докладом, но те, которые возражали, поняли, что я могу выступить и изложить свое мнение по арестам и расстрелам.

Я сейчас не помню, кто меня поддержал персонально. Я думаю, что это Булганин, Первухин и Сабуров. Я сейчас не уверен, но думаю, что, возможно, и Маленков поддержал меня. Сейчас я не могу точно сказать, ведь в 1930-е годы он был секретарем ЦК по кадрам, и его роль в этих вопросах была довольно активной. Он, собственно, помогал Сталину выдвигать кадры, а потом уничтожать их. Я не говорю, что он проявлял инициативу в репрессиях, вряд ли. Но в тех краях и областях, куда Сталин посылал Маленкова для наведения порядка, десятки и сотни людей были репрессированы и многие из них казнены».²⁷

На этой предельно раздраженной ноте они и расстались.

Назавтра, 25 февраля 1956 года на закрытом заседании XX съезда КПСС отец произнес свой знаменитый «секретный» доклад.

Члены нашей семьи, как и остальные жители нашей страны, не подозревали, что отец решил покуситься на один из самых страшных и кровавых мифов нашего времени. Я слабо запомнил те дни. Внешне отец ничем не выдавал себя, по утрам, как обычно, мельком проглядывал газеты, наполненные причесанными под одну гребенку съездовскими материалами, и отправлялся в Кремль на очередное заседание.

Открытый, непосредственный и даже многоречивый в делах строительства или сельского хозяйства, он становился неразговорчивым и даже непреступным, когда дело касалось политики.

Вечером 24-го, приехав домой, он сразу поднялся на второй этаж к себе в спальню. Он не сказал о предстоящем даже маме. Да и зачем? Предупредить? Какой смысл? Отец понимал: все мосты сожжены, остается одно – идти вперед. Он не исключал, что загнанные в угол, боясь разоблачения, Молотов, Каганович и Ворошилов, могут решиться даже на его арест. Если им, конечно, представится такая возможность. Серову отец доверял, но чужая душа – потемки, разоблачение сталинских преступлений его, генерала КГБ, получившего орден Суворова за депортацию чеченцев в 1944 году, в последний момент могло толкнуть на союз с «молотовцами». Вероятность такого развития событий невелика, но...

Телефон, стоявший на прикроватной тумбочке, молчал. Сам отец тоже решил никому не звонить. Ночь закончилась без происшествий. Утром, как обычно, в начале девятого отец вышел к завтраку. Как обычно, вот только мама забеспокоилась, не заболел ли. Выглядел он уставшим, под глазами мешки. Отец успокоил: все в порядке. Кончится съезд – отоспится. Как обычно, к девяти отец отправился на работу. Без опозданий.

Он почти не сомневался, что победил. Почти...

²⁷ Микоян не мог простить Хрущеву, что тот не упомянул и его фамилию. Не знаю, вышло это случайно или...

Как и вчера, высшие руководители страны встретились перед «секретным» заседанием в комнате отдыха. Оппоненты отца выглядели не лучше, видно, и они провели ночь без сна. О чем они думали? Что прикидывали? Этого мы не узнаем. Одно ясно – объединиться они не смогли или не посмели. Слишком мало они доверяли друг другу.

«Секретный» доклад отца XX съезду за прошедшие десятилетия оброс бородой слухов, таинственных псевдоподробностей. Например, почему-то считается, что заседание происходило ночью...

На самом деле никакой таинственности не было, делегаты собрались, как обычно, утром, вот только многочисленным гостям съезда в тот день предложили отдельную программу. Они разъехались по московским предприятиям выступить на специально организованных для них митингах.

С трибуны отец сказал значительно больше написанного. Он то и дело отступал от текста. Отца переполняли эмоции, лейтмотив его выступления – преступления не должны оставаться неразоблаченными, – это противоречит человеческой морали и человеческой совести.

«Съезд выслушал мой доклад молча. Как говорится, слышен был полет мухи. Все было настолько неожиданно, и нужно понять, как людей поразили зверства, совершенные над членами партии, заслуженными старыми большевиками, молодежью... Это была трагедия для партии.

В моем докладе на XX съезде ничего не было сказано об открытых процессах, на которых присутствовали представители братских коммунистических партий. Тогда судили Рыкова, Бухарина и других вождей народа...

В вопросе об открытых процессах тоже сказалась двойственность нашего поведения. Мы опять боялись договорить до конца. Не вызывало никаких сомнений, что эти люди невиновны, что они жертвы произвола.

Но на открытых процессах присутствовали руководители братских партий, которые потом свидетельствовали в своих странах справедливость приговоров, мы не хотели дискредитировать их и отложили реабилитацию Бухарина, Зиновьева, Рыкова и других на неопределенный срок.

Но, видимо, правильное было бы договаривать до конца. Шила в мешке не утаишь...»

Свидетелей, присутствовавших на закрытом заседании XX съезда, осталось мало, почти не осталось и свидетельств, политические мемуары в те годы не практиковались.

Микоян в мемуарах о «секретном» докладе не упоминает вовсе. Каганович ограничивается двумя строчками: «После доклада никаких прений не было, и съезд закончил свою работу. После XX съезда партия организованно провела партийные собрания».

Владимир Николаевич Новиков, в 1956 году он занимал высокое положение в оборонной промышленности, чувствовал себя подавленно: «Стыдно было за Сталина, с именем которого мы строили социализм и одержали победу в войне, и за себя».

Более подробны воспоминания Александра Николаевича Яковлева, тогда еще не «отца перестройки», а далеко не рядового партийного идеолога, инструктора Отдела школ ЦК КПСС:²⁸ «Мне повезло. Достался билет и на заключительное заседание съезда.

25 февраля 1956 года. Пришел в Кремль за полчаса до заседания. И сразу же бросилось в глаза, что публика какая-то другая – не очень разговорчивая, притихшая. Видимо, одни уже что-то знали, а других насторожило, что заседание объявлено закрытым и вне повестки дня. Никого из приглашенных на него не пустили, кроме работников аппарата ЦК. Да и с ними поначалу была задержка, но потом все прояснилось.

²⁸ По чиновничьей иерархии инструктор отдела ЦК примерно соответствует заместителю министра или секретарю обкома.

Председательствующий, я даже не помню, кто им был, открыл заседание и предоставил слово Хрущеву для доклада “О культе личности и его последствиях”.

Хрущев на трибуне. Видно было, как он волновался. Поначалу подкашливал, говорил не очень уверенно, а потом разошелся. Часто отходил от текста, причем импровизации были еще резче и определеннее, чем оценки в самом докладе.

Все казалось нереальным, даже то, что я здесь, в Кремле, и слова, которые перечеркивают почти все, чем я жил. Все разлеталось на мелкие кусочки, как осколочные снаряды на войне. В зале стояла гробовая тишина. Не слышно было ни скрипа кресел, ни кашля, ни шепота. Никто не смотрел друг на друга – то ли от неожиданности случившегося, то ли от смущения и страха, который, казалось, уже навечно поселился в советском человеке.

Я встречал утверждения, что доклад сопровождался аплодисментами. Не было их. А вот в стенограмме помощники Хрущева их обозначили в нужных местах, чтобы изобразить поддержку доклада съездом.

Особый смысл происходящего заключался в том, что в зале находилась высшая номенклатура партии и государства. А Хрущев приводил факт за фактом, один страшнее другого. Уходили с заседания, низко наклонив головы. Шок был невообразимо глубоким. Особенно от того, что на этот раз официально сообщили о преступлениях “самого” Сталина – “гениального вождя всех времен и народов”. Так он именовался в то время.

Подавляющая часть чиновников аппарата ЦК доклад Хрущева встретила отрицательно, но открытых разговоров не было. Шушукались по углам: “Не разобрался Никита. Такой удар партия может и не пережить”. Под партией аппарат имел в виду себя. В практической работе он с ходу начал саботировать решения съезда. Точно так же аппарат повел себя и в период Перестройки».